

30772 зн

© 2003 г.

С. УАЙТ

ЕЩЕ РАЗ О ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОЙ ТРАНЗИЦИИ

УАЙТ Стивен – профессор университета Глазго, Великобритания.

Еще недавно казалось, что оценить перемены, устранившие от власти коммунистические партии в России и в Восточной Европе в конце 1980-х годов, очень легко. Власть коммунистов, как известно, была авторитарной. Она проводила выборы без выбора кандидата или партии. У власти стояли компартии, действовавшие на основе «демократического централизма» (практически - просто централизма). Более того, эта власть лишила всякой автономии то, что называют гражданским обществом: партии, религиозные конфессии, профсоюзы и другие группы, позволяющие гражданам объединиться вне сферы прямого контроля государства. Назначения регулировались партийным начальством через систему номенклатуры; СМИ управлялись системой цензуры, созданной через три дня после революции 1917 г., как считалось тогда - «временно» (система сохранилась до 1990 г.).

Власть коммунистов можно характеризовать рядом важных признаков, включая руководящую роль партии. Менее ясен вопрос классификации обществ, сменивших власть коммунистов, в некоторых

случаях не вполне ушедшей со сцены. Эта власть, по-видимому, в СССР нашла свой конец несколько раньше, чем исчезло само советское государство в декабре 1991 г.: вероятно или во время августовского путча или в связи с изъятием из конституции в марте 1990 г. положения о политической монополии партии или еще раньше. Но что началось после этого? «Посткоммунизм»? “Переходное общество” (society in transition)? Но если так, когда закончится «переход»? Насколько пригодным был этот ярлык, использованный в свое время в Латинской Америке и на Пиренейском полуострове, где, в общем, был опыт демократического устройства, а перемены, во всяком случае, были не столь глубоки? И есть ли смысл говорить об одном переходе, а не о комплексе перемен, отмеченных важными чертами национальной специфики?

В большой и спорной литературе на эту тему самой крупной проблемой, вероятно, стала проблема природы смены системы, очевидно, имевшей место, когда власть коммунистов во всем регионе перешла к свободно избранным правительствам. Конкретнее: было ли это революцией в классическом смысле, включая насильственную смену правящей элиты и создание нового общественного строя? Или это была более ограниченная, по выражению венгерских ученых [1], «метаморфоза власти», - всего лишь временное ускорение нормального процесса обновления элит? Для тех, кто делал ее, это, конечно, была революция, и она привела к капиталистической демократии: история не давала иного выбора. Но другие считали, что перемены в целом более ограничены, что историческая преемственность сохранилась, - в частности, авторитаризм, характерный для многовековой истории России. Опираясь на обсуждение в последнее время (в России и на Западе) этих проблем, я, во-первых, проанализирую соперничающие подходы к интерпретации конца власти коммунистов, а затем попытаюсь показать, что могут добавить к этим спорам некоторые новые данные, полученные в последнее время.

1. Весьма способствует нашей дискуссии недавно опубликованная в данном журнале статья Татьяны Заславской, дуайена социологии в России и одного из активнейших ученых, закладывавших основу *перестройки* [2]. Заславская обращается к своим прежним работам и работам многих коллег, еще раз смело констатируя наличие «социального механизма процесса посткоммунистических перемен в России». Она показывает, что в настоящее время есть как минимум три точки зрения на природу посткоммунистических перемен в России. Одни считают, что Россия стал свидетельницей Великой Революции в классическом виде. Вторая точка зрения рассматривает перемены как завершение антисоциалистического захвата власти, начатого Сталиным в 1920-е годы и доведенного сейчас до логического завершения (можно считать эту точку зрения, в общем виде, троцкистской; Троцкий действительно утверждал, что бюрократия не ограничится монополией политической власти, а попытается обеспечить долгосрочные гарантии своего положения, что дает лишь частная собственность) [3]. Согласно третьей точке зрения, которой, очевидно, симпатизирует сама Заславская, в конце 1980-х годов имелся потенциал демократической революции, но он, по разным причинам, не материализовался; скорее всего, его перехватила *номенклатура*, использовав для проведения ряда реформ «сверху» в своих собственных интересах [4].

Западные ученые также столкнулись с трудностями в определении перемен в Восточной Европе после 1989/91 гг. Ч. Тилли в одном из первых исследований этих проблем считает важным различать определения революции в «узком» смысле, в основе которых «Манифест Коммунистической партии», и в «более широком», согласно которым революция - «внезапная, масштабная смена правителей страны с участием народа». В обоих случаях революция включает два компонента: революционную ситуацию, в которой некая группа выступает

претендентом на власть в государстве при поддержке значительной части населения, и исход революции, когда действительно происходит силовая смена власти [5]. По мнению Тилли, в большинстве стран Восточной Европы в 1989-91 г. налицо исход революции. Но только в Восточной Германии, Чехословакии, Советском Союзе и Югославии произошла *революция*, так как только там вызов действовавшим обладателям государственной власти поддержали массы. В любом случае, не может быть «простых аналогий» с классическими революциями прошлого. Более того, они едва ли повторимы с учетом перемен в международной системе за все эти годы [6].

Историк Эрик Хобсбом также весьма сдержан. Он подчеркивает, что ни один из режимов в восточной Европе не был сброшен. Все они «тихо отказались от власти, за исключением Румынии. И даже там сопротивление было недолгим». Сам Советский Союз также не был разрушен «в ходе революции или восстания народа. Население Москвы сохраняло спокойствие, а призывы к стачкам против путча остались незамеченными» [7]. Сходные трудности возникают при концептуализации «революции», которая сменила власть, возникшую из революции [8]. Именно в этом смысле Хабермас описывает перемены 1989-91 гг. как «выпрямляющие революции», имея в виду, что они были нацелены на «установление конституционной связи с наследием буржуазных революций, а социально-политическим – со стилями торговли и жизни, связанными с развитым капитализмом». Он один из ученых, отметивших «полное отсутствие идей, которые [были бы] инновативными или нацеленными в будущее» [9].

Другой автор, Кумар, констатирует относительное отсутствие насилия, за исключением Румынии, и «относительно малую роль» широких масс. Польская Солидарность, конечно, дала «мощный толчок». Но массовые акции этого рода так и не привели к полному свержению

режима и, в целом, не стремились к этому. Гораздо важнее, что советское руководство использовало свое значительное влияние, чтобы поощрять реформаторски настроенных членов руководства этих стран, ослабить позиции старого, часто коррумпированного поколения, иногда стоявшего у власти много десятилетий. Поэтому происходившая в 1989-91 гг. смена власти «все больше...походила на фронду, на дворцовые революции». Почти все классические революции, конечно, начинались так же, - с усиления раскола внутри действующей власти. Отличительной чертой перемен 1989-91 гг. стала «высокая степень контроля со стороны властных *номенклатур* на всем протяжении периода перехода к демократии и рыночному обществу» [10].

Вообще-то, есть сомнения, можно ли определять в используемых терминах социальное образование, сформированное в итоге этих перемен. Например, произошел ли переход к «капитализму»? Номинально, собственность от государства полностью перешла к частным собственникам. Но хотя богатые люди есть, класс капиталистов едва ли появился. Сама структура собственности крайне неясна. Нередко трудно отделить частную собственность от государственной, контролируемой теми же людьми и управляемой в их коллективных интересах [11]. Конечно, в СССР в 1920-е гг. была частная собственность на средства производства, и все таки страна считалась коммунистической. И наоборот, сейчас все еще высок - в сравнении с другими странами - уровень государственной собственности и хозяйственной деятельности. По данным официальной статистики, частный сектор свыше десяти лет после конца власти коммунистов охватывал менее половины рабочей силы и промышленного производства страны [12]. То есть, если это вообще капитализм, это очень специфический вид капитализма: «капитализм своих людей», управляемый «сплоченной кликой бизнес-элит,

использовавших политические связи для защиты от внутренней и внешней конкуренции»; может быть, даже «мутант» совсем нового типа [13].

Такие же споры идут о том, несть ли смысл называть Россию и другие постсоветские республики “демократическими”, по меньшей мере в более чем минимальном или процедурном смысле. Проходят выборы с соперничеством кандидатов, но на них сильно влияет то, как кандидатов и партии освещают СМИ, особенно государственное телевидение. Есть политические партии, но лишь немногие существуют давно (три партии из шести лидеров по партийным спискам на думских выборах 1999 г. созданы в том же году) и еще меньше имеют организованное членство в стране. Парламент, где они представлены, обладает незначительными средствами влияния на правительство, по конституции беспартийное и подотчетное президенту. А сам президент в известном смысле взял на себя «руководящую роль» коммунистической партии, имея далеко идущие полномочия в принятии решений и назначениях. В самом обществе ассоциации разного рода слабы, все более урезаются свободы средств массовой информации, власть закона непрочна.

В целом, это едва ли «демократия», по меньшей мере без серьезных оговорок. Но что же это такое? Некоторые авторы говорят о «гибридном режиме». Другие – о «нео-либеральной автократии» или «конкурентном авторитаризме» [14]. Есть и более изобретательные люди: “East European Constitutional Review” пишет о “чрезвычайной авторитарной власти за квази-демократическим фасадом” [15]. Австрийский ученый вывел формулу “патернализм третьего мира с бонапартистскими тенденциями» [16]. В Кремле с одобрением говорят об «управляемой демократии», отражающей особые условия России. Как разъяснял Путин, Россия «не станет вторым изданием, скажем, США или Британии, где либеральные ценности имеют глубокие исторические традиции», являясь страной, где «государство, его институты и структуры всегда играли исключительно

важную роль» [17]. В этих условиях лишь немногие по-прежнему настаивают на том, что Россия прошла “революцию” в начале 1990-х, и еще меньше считают, что, если такие перемены и были, – то они означали “переход” к демократии и капитализму, как их принято понимать.

2. До сих пор мы говорили о “преемственности” или “переменах” в общем плане в России, а не в целом ряде независимых государств, возникших из СССР и в еще большем числе – возникших из власти коммунистов. Ниже я проанализировал процесс перемен более дифференцированно. Рассмотрены действия, которых следовало ждать после окончания правления коммунистов и введения либерально-демократических институтов, - разделение властей и многопартийные выборы. Я рассмотрел и перемены в постсоветских республиках, включая Россию, по двум группам данных: суждения авторитетных экспертов извне о природе смены власти в бывших советских республиках, и суждения людей, граждан этих обществ, отраженные в данных опросов.

Я использую классификацию, разработанную нью-йоркским «Фридом Хаус» (Дом Свободы) и ежегодно публикуемую с начала 1970-х гг. [18]. «Фридом Хаус» оценивает поведение властей во всем мире по двум критериям. Первый - политические права, возможность свободного участия в выборе лидеров и в формировании важных для общества решений (не обязательно так, как это бывает в западных демократических странах). Второй критерий – гражданские свободы: «свобода развивать мнения, институты и личную автономию помимо государства», на практике означающая независимость СМИ и надежную защиту прав меньшинств. Каждое из этих измерений оценивается по шкале от 1 (максимум) до 7 (минимум). Результат подсчета классифицируются по трем группам – «свободные», «частично свободные» «несвободные». «Фридом Хаус» собирает данные по ряду источников включая прессу, неправительственные организации, аналитические работы ученых, иногда

проводит полевые поездки. Я свел результаты по СССР и 15-ти его республикам-наследницам в двух точках советского периода и в двух точках посткоммунистического периода (Таблица 1).

Таблица 1

Классификация режимов 1980-2002 гг.

	Советский Период		Постсоветский Период	
	1980-81	1990-91	1992-93	2002-3
«Свободны»			Литва (2,3)	Эстония (1,2) Латвия (1,2) Литва (1,2)
«Частично свободны»		СССР (5,4)	Армения (4,3) Азербайджан (5,5) Беларусь (4,3) Эстония (3,3) Грузия (4,5) Казахстан (5,5) Кыргызстан (4,2) Латвия (3,3) Молдова (5,5) Россия (3,4) Украина (3,3)	Армения (4,4) Азербайджан (6,5) Грузия (4,4) Молдова (3,4) Россия (5,5) Украина (4,4)
«несвободны»	СССР (6,7)		Таджикистан (6,6) Туркменистан (7,6) Узбекистан (6,6)	Беларусь (6,6) Казахстан (6,5) Кыргызстан (6,5) Таджикистан (6,5) Туркменистан (7,7) Узбекистан (7,7)

Источник: www.freedomhouse.org. Оценки политических прав и гражданских свобод по семиступенчатой шкале; классификация произведена в «Фридом Хаус».

Какие выводы можно сделать из этих данных? Во-первых, конечно, разнообразие. Нет единого образца, и, прежде всего – общего «перехода к демократии». Скорее можно выделить четыре группы:

«Свободны» типично христианские (лютеранские или католические) страны, находившиеся под властью коммунистов более короткий период времени, имеющие более высокий уровень жизни, расположенные по западному периметру СССР («Именно расположение, - не христианство, демократия или экономическое развитие, вот что обеспечивает исходный толчок к демократии», - заметил Майкл МакФол [19]).

Вторая группа, «частично свободные» страны, как правило, православные, под властью коммунистов примерно с 1917 г., с низкими или средними доходами по классификации Всемирного банка, евразийские, а не центрально-европейские (очевидно, «Восточной Европы» больше нет).

Третья группа. «Несвободны», как правило, мусульманские страны с низкими по стандартам Всемирного банка душевыми доходами, расположенные большей частью в Азии. Беларусь, самое яркое исключение, может быть, отнесена к этой группе по ошибке. Азербайджан, оцененный в «Фридом Хаус» как «частично свободный», по имеющимся данным, «несвободен». Почти во всех этих странах сильная президентская власть, корнями уходящая в руководство партии советских времен, еще более расширена путем всенародных референдумов. В Туркменистане создан странный культ лидера. «Фридом Хаус», более того, две эти страны - Туркменистан и Узбекистан, включил в список «самых репрессивных режимов мира», наряду с Северной Кореей, Экваториальной Гвинеей и Ираком (до вторжения руководимой США коалиции).

Есть еще четвертая группа не-переходных стран, - Китай, Северная Корея и Вьетнам. Это азиатские страны со своими традиционными религиями и низкими уровнями доходов. Среди них страна с самым

большим населением – Китай и такую страна как Вьетнам, который по некоторым прогнозам обойдет к 2050 г. Россию по численности населения [20]. Куба – также в этой группе, хотя географическое расположение придает ей ряд уникальных характеристик.

Отсюда вытекает еще одно заключение: нет общей траектории, по которой устойчиво бы двигались от «несвободны» к «свободе», пусть с разной скоростью, все бывшие советские республики. Да, движение вверх в этой иерархии есть, но есть и перемещения вниз. Разные страны двигались в разных направлениях. Полезно помнить, что за «три волны» демократии (по Хантингтону) последовали в первых двух случаях и, как минимум, частично в третьем случае, обратные волны [21]. В начале 1990-х гг. во всем мире, очевидно, была достигнута высшая точка демократизации. За ней последовало устойчивое падение доли стран «либеральных», а не просто «выборных демократий» [22]. Постсоветские республики двигались по расходящимся направлениям, если сравнивать 1992-93 с 2002-3 гг. Две за это время поднялись вверх, а три опустились вниз. Более того, половина бывших советских республик за пределами Прибалтики сейчас классифицируются как «несвободные».

Наконец, сумма, итог перемен. Несколько бывших советских республик в 2002-2003 гг. фактически ниже уровня СССР в последний год правления коммунистов. К 1990-91 гг. в СССР существовала многопартийная система, цензура была устранена, была провозглашена свобода совести, признана кооперативная и даже частная собственность. По оценке «Фридом Хаус» это «частичная свобода». Россия в 2002-3 гг. тоже «частично свободна», но ее рейтинг понизился. «Фридом Хаус» особо обеспокоен мерами против независимой печати (российские СМИ, в целом, оценены как «несвободные») и политизацией правосудия. Более того, большая часть бывших советских республик по показателям политических прав и гражданских свобод ниже, чем СССР в последний год

существования. По этим данным движение во всем пост советском регионе шло не к демократии, а от нее.

3. А что думают сами граждане этих стран? В этом вопросе я опираюсь на данные исследования, проведенного в конце 2001 г. при содействии Института перспективных исследований в Вене (руководитель Христиан Херпфер) в рамках исследования «Барометр новых демократий» [23]. В каждой стране проведен репрезентативный общенациональный опрос с помощью надежной местной исследовательской организации по общей, тщательно отработанной анкете. Результаты, представленные ниже, не публиковались. Ответы в рамках «Барометра новых демократий» передают мнения простых граждан десять лет и более после перемен, которые, как считается, трансформировали их жизнь, присоединив их к «другим демократическим странам». Есть данные по восьми бывшим советским республикам: четыре европейские - Россия, Украина, Беларусь и Молдова, две закавказские – Армения и Грузия, и две среднеазиатские – Казахстан и Кыргызстан.

Ответы в нашем опросе касались общей оценки форм власти. «Демократия» заняла первое место. Близко к ней стоят «коммунизм» и «сильный лидер». «Власть армии» и «монархия» получили незначительную поддержку. Ответы также включали оценки прошлого, настоящего и будущего. В каждом случае советская политическая и экономическая система оказывалась предпочтительнее ныне существующей политической и экономической системы. Есть ожидания, что она будет существовать через десять лет. Армения, Грузия, Кыргызстан и Молдова наиболее позитивно оценили прошлое. В Армении, Беларуси, Грузии, Молдове и Украине меньше всего надежд на будущее. В каждом случае есть существенные различия. В России 47 процентов позитивно оценили советскую политическую систему и лишь 20 процентов позитивно оценили будущее. В Грузии 75 процентов выразили позитивное

мнение о советском прошлом и лишь 134 процентов так же думали о будущем.

Конечно, это суждения о системе в целом. Рассмотрим мнения людей более детально – по ряду конкретных сфер, вероятно отражающих природу посткоммунистических перемен. Начну с классического ряда личных свобод – свобода слова, передвижения и т.д. Таблица 2 показывает, что, по мнению простых граждан (и ученых) эти свободы значительно расширились после конца власти коммунистов. Например, широко разделяется мнение (исключая, по определенным причинам, Армению и Грузию), что граждане свободны выражать свои религиозные верования, как они того хотят. Общим является мнение, что простой человек свободен «говорить то, что хочет». Есть также свобода «вступать в любую организацию», - по сравнению с жесткой регламентацией при коммунистах, а также свобода «путешествовать, куда хочу» при наличии нужных ресурсов. По всем этим показателям свободы простых граждан, возможно, весьма выросли, – по меньшей мере, по мнению их самих.

Таблица 2

Оценки посткоммунистической власти, в %

Суждение	Согласен	Не согласен
Я имею право присоединиться к любой религии	64	30
Я имею право говорить, что думаю	81	15
Я могу путешествовать свободно, куда хочу	71	23
Я могу вступить в любую организацию	69	21
Я могу заняться политикой	31	58
Мне не нужно бояться незаконного ареста	40	47
Я могу влиять на правительство страны	10	83
Я могу влиять на местные власти	14	79

Источник: New Democracies Barometer 6, fieldwork November 2001.

Совсем иная картина возникает при взгляде на отношения гражданина и государства. О власти закона, например, распространено мнение, что еще существует серьезный риск незаконного или произвольного ареста: так думает большинство в Казахстане, Кыргызстане и Молдове и существенная группа в России и Украине. Эту точку зрения отразило и распространенное недоверие наших респондентов к органам правопорядка, особенно к полиции и судам. Простые люди явно больше не доверяют органам правопорядка, чем в странах Запада, в некоторых случаях они больше боятся полиции, чем преступников, от которых полиция их призвана защищать [24]. Еще одной неожиданностью стало то, что простые граждане не думают, что они, в целом, свободны интересоваться политикой или нет: это отличие весьма важно в обществе, преобразуемом после власти коммунистов, когда (в целом) все не запрещенное было обязательным.

Как обстоят дела с «ролью в политике», с верой простых граждан, что они могут влиять на власть? Мы спрашивали о степени веры респондентов в возможность влиять на правительства своих стран, на местные власти. Результаты поразительны. Почти везде низки уровни веры в то, что мнение простых граждан влияет на правительства. Лишь 6-10 процентов считают, что у них есть, по меньшей мере, «некоторое» влияние в вопросах такого рода (Кыргызстан - исключение). 80-90% и более думают, что у них мало влияния, или чаще – совсем его нет (67 процентов наших русских респондентов и 69 процентов украинских). Несколько больше доверяют местным властям. Но и здесь разрывы огромны, а значительное большинство (63 процента в России и 66 в Украине) полагает, что совсем не имеют влияния.

Относительное чувство отсутствия влияния у простых граждан, конечно, универсально. Яркое подтверждение это 15 февраля 2003 г., когда исторически беспрецедентные массы демонстрантов вышли по всему миру

на улицы протестовать против объявления войны Ираку, - война началась месяц спустя. Но ощущение беспомощности в бывших советских республиках много выше, чем в странах Запада. В Украине и России лишь 8-9 процентов думают, что имеют, как минимум, «некоторую» возможность влиять на правительства, которые выступают от их имени. В Соединенном Королевстве 25 процентов считают, что «как-то влияют» на решения правительства, а в США целые 50 процентов думают, что у них есть некоторое влияние такого рода [25].

Наше или другие исследования не содержат данных о том, что простые люди в бывших советских республиках действительно не приемлют «демократии», честных выборов, власти закона. Но они практически не верят, что все это реально спустя более десяти лет после ухода от власти коммунистов. Личные свободы, может быть, выросли, но индикаторы реальности - включая веру в то, что на власти можно влиять и что выборы – средство оказания такого влияния, – на очень низком уровне во всем регионе. Нет данных в нашем исследовании, как и у «Фридом Хаус», о решительном разрыве в формах власти и об отходе от гораздо более глубоких авторитарных моделей.

3. Я предлагаю читателям следующие общие заключения.

- Наши данные едва ли позволяют говорить о «переходе» (transition). Скорее можно вести речь о ряде моделей перемен, включая движение от демократии западного толка и отсутствие всякого движения. Можно считать, что эти модели больше, чем что-либо иное, отражают различия политических культур в посткоммунистическом регионе и важную разницу в (как пример) сроках существования независимого государства, давности, как минимум, получения права голоса взрослыми мужчинами, в степени независимости государства и церкви друг от друга, автономии гражданского общества (включая профсоюзы и прессу) и власти закона. Различия такого рода по Хантингтону образует то, что называется «Западом» [26].

Несомненно, нельзя пройти мимо того, что среди пост-советских республик, "не-западных" по культуре, нет «свободных» (по критериям «Фридом Хаус»), и что нет «мусульманских» пост-советских республик, хотя бы «частично свободных» (с сомнительным исключением Азербайджана).

- Это в свою очередь напоминает нам о «выборном заблуждении» [27], когда необходимое условие демократии – свободные выборы – считают также и условием достаточным. В большинстве посткоммунистических стран выборы проводятся регулярно, есть набор кандидатов и партий, международные наблюдатели считают эти выборы «свободными и честными». Но не менее ясно, что простые люди мало верят в то, что выборы – эффективное средство контроля за правительством, какими бы ценными выборы не были бы в принципе. Выборы, конечно, еще не все, особенно, в отрыве от мер, обеспечивающих достаточно взвешенную работу СМИ, ограничения электоральных расходов и использования «административного ресурса» (власть должности). Эффективность перемен в этом направлении также маловероятна, если перемены не опираются на культуру, предполагающую серьезные ограничения действий правительства и подотчетность избранных избирателям.

-- В той же мере, в какой не следует переоценивать механизмы либеральной демократии, не следует забывать и о некоторых механизмах советской системы. Исследование ясно показывает, что русские и другие не только скептически относятся к своей способности влиять на нынешние власти. Они также считают, что сейчас у них *меньше* влияния на власти, чем в советское время, что власти *менее* вероятно честны и справедливы к своим гражданам и что граждане *менее* защищены от возможности несправедливого, незаконного ареста [28]. Одна из причин, вероятно, - коррупция, прижившаяся, по мнению простых граждан, в высших эшелонах власти с коммунистических времен. Представляется также вероятным, что конец власти коммунистов, среди прочего, лишил простых

граждан одного из средств политического влияния, ранее имевшегося у них: больше нет органа, к которому они могли бы апеллировать через головы местных чиновников, органа, который мог бы помочь им в решении личных проблем [29].

- Наконец, по прошествии более чем десяти лет после конца правления коммунистов все труднее оправдывать терминологию «перехода» [30]. Большинство посткоммунистических режимов (больше) не идут никуда. Они достигли точки, к которой желали придти, – по меньшей мере, это касается правящих элит. Уместна иная терминология, та, что уже не дает дефиниций этих режимов при допущении, что имеет место состояние перехода к демократии западного стиля, та, что помещает их в контекст режимов большей части развивающегося мира, где соперничество на выборах нередко соседствует с господством элиты, контролирующей де-факто экономику, СМИ, правоохранные органы. Уже высказывалось предложение, что их следует классифицировать как «полу-авторитарные режимы» [31]: особая и, по-видимому, долговечная форма современного правительства. Может быть, в будущем мы сочтем более продуктивным исследовать в таких рамках место большей части посткоммунистических стран, но не в контексте культурной специфики либеральной демократии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Party Formation in East-Central Europe. *Wightman G.* ed. Aldershot, 1995, p. 178.
2. См. сборник ее трудов: *Zaslavskaya T. I.* A Voice of Reform: Essays. Armonk, NY, 1989. В одном интервью Т. Заславская пояснила, что "не была личным советником" Горбачева, но "он, по-видимому, внимательно читал написанное мной" – *Cohen S. F., vanden Heuvel K.* Voices of *Glasnost*: Interviews with Gorbachev's Reformers. NY, 1989, p. 117.
3. *Trotsky L.* The Revolution Betrayed: What is the Soviet Union and Where is it Going? L., 1937, p. 240.
4. *Заславская Т.И.* О социальном механизме посткоммунистических преобразований в России // Социол. исслед. 2002, № 8, 2002, с. 3-4.
5. *Tilly C.* European Revolutions, 1492-1992. Oxford, 1993, pp. 4, 10, 14.
6. Там же, pp. 234-5.
7. *Hobsbawm E.* Age of Extremes: The Short Twentieth Century 1914-1991. L., 1994, pp. 487, 488, 494.
8. *Halliday F.* Revolution and World Politics. Basingstoke, 1999, p. 52.
9. *Habermas J.* What does socialism mean today? // New Left Rev. 1990, № 183, pp. 4-5.
10. *Kumar K.* The revolutionary idea in the twentieth-century world / *M. Donald, T. Rees*, eds. Reinterpreting Revolution in Twentieth-Century Europe. L., 2001, pp. 194-5.
11. *Lane D.* What kind of capitalism for Russia? A comparative analysis // Communist and Post-Communist Studies. 2000, vol. 33, №. 4, pp. 485-504.
12. Российский статистический ежегодник. М., 2001, с. 140, 343.

13. Цит. по: *White S.* Russia's New Politics. Cambridge, 2000, p. 141. Еще один вариант – "виртуальная экономика": *Gaddy C., Ickes B.* Russia's Virtual Economy. Wash. 2002.
14. *Diamond L.* Thinking about hybrid regimes // *J. of Democracy.* 2002, vol. 13, №. 2, pp. 21-35; *Kargarlitsky B.* Russia under Yeltsin and Putin: Neo-Liberal Autocracy. L., 2002; *Levitsky S., Way Lucan A.* The rise of competitive authoritarianism // *J. of Democracy.* 2002, vol. 13, №. 2, pp. 51-65.
15. *East European Constitutional Rev.* 2002, vol. 11, № 4; 2003, vol. 12, № 1, p. 47.
16. *Markwick R.* What kind of state is the Russian state – if there is one? // *J. of Communist Studies and Transition Politics.* 1999, vol. 15, №. 4, p. 127.
17. *Российская газета.* 1999, 31 декабря, с. 5.
18. См.: www.freedomhouse.org.
19. *McFaul M.* The fourth wave of democracy and dictatorship: noncompetitive transitions in the postcommunist world // *World Politics.* 2002, vol. 54, №. 2, p. 242.
20. *Свободная мысль.* 2003, № 2, с. 61.
21. *Huntington S.P.* The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. Norman OK, 1991, pp. 15-16, 290-4.
22. *Diamond L.* Is the third wave over? // *J. of Democracy.* 1996, vol. 7, №. 3, p. 28.
23. Анализ первых пяти исследований "Барометр....." см.: *Haerpfer C. W.* Democracy and Enlargement in Post-Communist Europe. L., 2002.
24. *Известия,* 2003, 15 апреля, с. 8.
25. Данные по Соединенному Королевству см.: 2001 British Election Study held at the UK Data Archive (question BQ65A); по США: the National Elections Studies database at www.umich.edu/~nes (table 5b.2).

26. *Huntington S.P.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. NY, 1996, pp. 69-72.
27. *Linz J., Stepan A.* Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe. Baltimore MD, 1996, p. 4.
28. *White S.* Ten years on, what do the Russians think? // J. of Communist Studies and Transition Politics. 2002, vol. 18, №. 1, p. 40.
29. *См.: Ashwin S.* “There’s no joy any more”: the experience of reform in a Kuzbass mining settlement // Europe-Asia Studies. 1995, vol. 47, №. 8, pp. 1375-8.
30. *Carothers T.* The end of the transition paradigm // J. of Democracy. 2002, vol. 13, №. 1, pp. 5-21.
31. *См.: Ottoway M.* Democracy Challenged: The Rise of Semi-Authoritarianism. Wash., 2003.